
Перри – царствующая королева
викторианского детектива.

People

Дайте Перри какое-нибудь заковыристое
убийство вкупе с постыдным
социальным казусом – и она напишет
такой викторианский детектив, которому
позавидовал бы сам Диккенс.

The New York Times

Мало кто из создателей детективов
в духе Артура Конан Дойля может так
красочно воспроизвести атмосферу
викторианского Лондона, так точно
прорисовать его детали и воссоздать
настроение той эпохи, как Перри.

San Francisco Chronicle

Если вы купили очередную историю
от Энн Перри, вы можете смело
рассчитывать на то, что она будет
превосходна.

The San Diego Union Tribune

Серия о Шарлотте и Томасе Питтах

Призрак с Кейтер-стрит
Находка на Калландер-сквер
Туман над Парагон-уок
Воскрешение на Ресуррекшн-роу
Вор с Рутленд-плейс
Утопленник из Блюгейт-филдс
Смерть в Поместье Дьявола
Натюрморт из Кардингтон-кресент
Тишина в Хановер-клоуз
Казнь на Вестминстерском мосту
Пожар на Хайгейт-райз
Скандал на Белгрейв-сквер
Невидимка с Фэрриерс-лейн
Палач из Гайд-парка
Врата изменников
Душитель из Пентекост-элли
Бомба в Эшворд-холле
Реквием в Брансвик-гарденс
Покойник с площади Бедфорд
Улица Полумесяца
Заговор в Уайтчепеле
Медиум с Саутгемптон-роу

Серия об инспекторе Монке

Чужое лицо
Опасная скорбь
Предательство по любви
Смерть внезапна и страшна
Грехи волка
Брат мой Каин
Смертная чаша весов
Безмолвный крик

ЭНН ПЕРРИ

БЕЗМОЛВНЫЙ
КРИК

МОСКВА
2019

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
П27

Anne Perry

THE SILENT CRY

Copyright © 1997 by Anne Perry. All rights reserved

Оформление переплета *Павла Трофимова*

Перри, Энн.
П27 Безмолвный крик / Энн Перри ; [пер. с англ. С. Н. Самуйлова]. — Москва : Эксмо, 2019. — 416 с. — (Любимый детектив английской королевы).

ISBN 978-5-04-102562-5

Лондон, 1860 год. Промозглой январской ночью жуткий крик разнесся по узким грязным переулкам Сент-Джайлза, одного из самых нищих и опасных районов города. Прибежавшие на шум полицейские обнаружили двух избитых rispetабельно одетых джентльменов. Один из них был мертв, другой едва дышал. Сержант Джон Ивэн срочно доставил пострадавшего в больницу. Повреждения на его теле были ужасны, а самое главное, он потерял дар речи и ничего не мог рассказать. Кто же эти двое и зачем они забрели туда ночью, где люди из их сословия не показываются даже днем? Ивэн не знает, за что хвататься и с чего начинать. Но он точно знает, кто в состоянии ответить на все эти вопросы. Это бывший инспектор полиции, а ныне частный сыщик Уильям Монк...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-102562-5

© Самуйлов С. Н., перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

*Саймону, Никки,
Джонатану и Энгусу*

Глава 1

Джон Ивэн стоял, дрожа на продувавшем переулочек январском ветру.

Полицейский констебль Шоттс повыше поднял фонарь с увеличительным стеклом, чтобы видеть оба тела сразу. В измятой окровавленной одежде, они лежали на обледневшей бульжной мостовой, футах в семи друг от друга.

— Кто-нибудь знает, что случилось? — спросил Ивэн, стуча от холода зубами.

— Нет, сэр, — мрачно ответил Шоттс. — Их нашла какая-то женщина, а постовой Бриггз доложил мне.

— В таком месте? — удивился Ивэн, обводя взглядом грязные стены, открытую сточную канаву и немногочисленные, почерневшие от копоти окна. Двери, которые он сумел заметить, были узкими и выходили из жилищ прямо на улицу; за долгие годы они покрылись пятнами плесени и сажки. Единственный фонарный столб высился ярдах в двадцати дальше по улице, бросая зловещие отблески, как потерявшаяся в тучах луна. За периметром освещенного пространства сержант с неудовольствием разглядел сторбленные фигуры наблюдающих и выжидающих — сборище нищих, воров и горемык, обитателей убогого квартала Сент-Джайлз, расположенного неподалеку, практически рукой подать, от Риджент-стрит, в самом сердце Лондона.

Глядя на лежащие тела, Шоттс пожал плечами.

— Что ж, они явно не пьяны, не истощены и не умерли от холода. Полагаю, из-за всей этой крови она и под-

няла крик, потом испугалась, что кто-нибудь подойдет и обвинит ее, стала звать на помощь, тут и остальные появились... — Он покачал головой. — В таких местах надо держать ухо востро. Осмелюсь заметить, что будь она покрепче духом да посмышленей, прошмыгнула б мимо да и убралась побыстрее.

Ивэн нагнулся к телу, лежавшему ближе. Шоттс немного опустил фонарь, чтобы получше осветить голову и верхнюю часть туловища. Похоже, несчастный успел дожить до середины шестого десятка. Густые седые волосы, гладкая кожа. Коснувшись ее пальцем, сержант определил, что тело замерзло и окоченело. Глаза покойника оставались открытыми. Избили его так сильно, что о чертах лица можно было составить лишь самое общее суждение. При жизни оно вполне могло казаться привлекательным. И одежда, пусть изорванная и запачканная, была превосходного качества. Насколько мог судить Ивэн, при среднем росте неизвестный отличался плотным телосложением. Когда труп лежит так неловко, когда ноги согнуты и скрыты отчасти туловищем, ошибиться совсем не трудно.

— Господи, кто же с ним такое сделал? — пробормотал он себе под нос.

— Не знаю, сэр, — неуверенно откликнулся Шоттс. — Никогда не видел, чтобы человека так отделали, даже здесь... Должно быть, умалишенный какой-нибудь — вот и все, что я могу сказать. Его ограбили? Наверняка обчистили.

Ивэн слегка повернул тело, чтобы проверить карман пальто. В наружном ничего не оказалось. Проверив внутренний, Джон достал платок — чистый, сложенный, льняной, обметанный по краю, отличной выработки. Больше ничего. В карманах брюк нашлось несколько медяков.

— Петля под пуговицу разодрана, — заметил Шоттс, присмотревшись к жилетке. — Похоже, сорвали часы с цепочкой. Интересно, что он тут делал?.. Для такого джентльмена место неподходящее. Не далее как в миле к западу

полно шлюх на всякий вкус. Весь Хеймаркет ими забит, и никакой опасности. Выбирай на здоровье. Зачем тащиться сюда?

— Не знаю, — неохотно буркнул Ивэн. — Возможно, определи мы причину, поняли бы, что с ним случилось.

Поднявшись, он направился к другому телу. То был молодой человек лет двадцати, не более, хотя лицо его обезобразили так, что лишь чистая линия подбородка и нежная кожа могли служить указанием на возраст.

Чувство жалости и страшная, слепая ярость охватили Ивэна, когда он увидел, что одежды в нижней части туловища молодого человека пропитались кровью, все еще сочащейся из-под тела на бульжники.

— Боже милосердный, — хрипло пробормотал сержант. — Что здесь произошло, Шоттс? Что за зверь способен на такое? — Обычно он не поминал имя Божье всуе. Сын сельского пастора, Ивэн вырос в маленькой деревенской общине, в которой — к добру ли, к худу ли — все знали всех, а церковные колокола звонили и над барским домом, и над лачугой труженика фермера, и над постоянным двором с его трактиром. Он знал радости и горести, добро и обычные прегрешения вроде жадности и зависти.

Шоттс, выросший близ этой уродливой, темной лондонской трущобы, обладал натурой не столь впечатлительной, но и он смотрел на тело бедняги, содрогаясь от сострадания — и страха при мысли о том, кто мог сотворить такое.

— Не знаю, сэр, но надеюсь, что мы поймем выродка, а уж потом его точно вздернут. Зависело б от меня, я бы так и сделал. Но поймать его будет не так просто. Пока не вижу, с чего начать. И на помощь со стороны местных рассчитывать не приходится.

Ивэн опустил на колени возле второго трупа, ощупал карманы, надеясь найти хоть что-то, по чему можно было бы, по крайней мере, установить личность несчастного. Пальцы задели щеку молодого человека. Он замер, охва-

ченный ужасом, а потом и проснувшейся надеждой. Щека теплая! А вдруг бедняга еще жив?

А если все же умер, то не так давно, как пожилой мужчина...

Возможно, он пролежал в этом обледеневшем переулке, истекая кровью, несколько часов!

— Что там? — спросил Шоттс, широко раскрыв глаза.

Ивэн подержал ладонь над носом и губами молодого человека, но ни малейшего тепла от дыхания не почувствовал.

Склонившись, констебль поднес лампу ближе.

Ивэн достал карманные часы, протер крышку изнанкой рукава и приложил ее к губам потерпевшего.

— Что там? — резко повторил Шоттс высоким голосом.

— Думаю, он жив! — прошептал Ивэн и поднес часы к лампе. На крышке остался слабый след от дыхания. — Он жив! — торжествующе воскликнул сержант. — Смотри!

Шоттс был реалистом. Ивэн ему нравился, но он знал, что тот — сын священника, и относился к нему снисходительно.

— Наверное, просто он умер после того, первого, — мягко сказал констебль. — У него такая страшная рана...

— Он теплый! И еще дышит! — настаивал Ивэн, наклоняясь ниже. — Ты вызвал доктора? Вызовите медицинскую карету!

Шоттс покачал головой.

— Вы его не спасете, мистер Ивэн. Он уже слишком далеко. Милосерднее дать ему уйти и ничего не знать про это. Полагаю, он все равно не ведает, кто его убил.

Ивэн даже не взглянул на него.

— Я думаю не про то, что он может рассказать. Если несчастный жив, мы должны сделать все, что в наших силах, чтобы помочь ему. Здесь рассуждать нечего. Найди кого-нибудь, пошли за доктором и каретой «Скорой помощи». Живее!

Шоттс колебался, обводя взглядом пустынный переулок.

— Со мной всё будет в порядке, — резко произнес Ивэн, хотя и не был так уж в этом уверен. Остаться одному в таком месте ему не хотелось. Он был здесь чужим, в отличие от Шоттса. Чувствуя подступивший страх, Джон обеспокоился, слышен ли он в его голосе.

Неохотно подчинившись, Шоттс оставил сержанту свой фонарь. Его крепкая фигура исчезла за углом, и на секунду Ивэна охватила паника. Если тот, кто совершил эти убийства, вернется, ему нечем защитить себя.

Но зачем им возвращаться? Нелепая мысль... Так не бывает. Ивэн работал в полиции достаточно давно, фактически более пяти лет, с 1855 года, с середины Крымской войны. Он помнил свое первое убийство. Тогда-то и познакомился с Уильямом Монком, лучшим полицейским, какого знал, человеком жестоким и суровым, но самым храбрым, самым проницательным.

Ивэн оказался единственным, кто понимал, насколько узким Монк. Он потерял память в транспортном происшествии, но, конечно, не решился никому об этом сказать. Монк понятия не имел о своей профессии, своих способностях, конфликтах, врагах и даже друзьях. Он жил от одной опасности до другой, от разгадки до разгадки, но и тогда их смысл значил мало или вовсе ничего — оставались лишь фрагменты.

Но Монк не побоялся бы остаться один в этом переулке. Даже изголодавшиеся бедняги и преступники, обитатели этого несчастного квартала, подумали бы дважды, прежде чем напасть на него. Было что-то пугающее в его лице с гладкими скулами, крупным орлиным носом и блестящими глазами. Более мягкие черты Ивэна, выдававшие склонность к добродушию и живое воображение, никого напугать не могли.

Из дальнего конца переулка, возле главной улицы, донесся какой-то звук, и сержант вздрогнул, но это оказалась всего лишь крыса, бегущая вдоль сточной канавы. Кто-то что-то затаскивал в дверь, но Ивэн ничего не видел. Грохот колес экипажей, долетавший с расстояния в пятьдесят

ярдов, звучал словно из другого мира, широкого, открытого, в котором кипела жизнь и которому добавлял красок крепнувший свет дня.

Ивэн так замерз, что весь дрожал. Тем не менее он счел нужным снять пальто и укрыть еще живого юношу. Вообще-то сделать это следовало сразу. Джон осторожно подоткнул полы под лежащего и ощутил, как холод запускает когти в его собственную плоть, добираясь до костей.

Ожидание казалось бесконечным, но Шоттс наконец вернулся, ведя с собой доктора — тощего мужчину с костлявыми руками и худым страдальческим лицом. Слишком большая шляпа с высокой тульей сидела глубоко, почти касаясь кончиков ушей эскулапа.

— Райли, — коротко представился он и нагнулся, чтобы взглянуть на молодого человека. По движениям пальцев в нем угадывался знаток своего дела, и Ивэн с Шоттсом застыли в ожидании, глядя вниз. Уже совсем рассвело, хотя в переулке между высокими грязными стенами еще держались сумерки.

— Вы правы, — произнес Райли минуту спустя. Голос его звучал напряженно, взгляд потемнел. — Жив... но только лишь едва. — Поднявшись, доктор повернулся к похожей на катафалк карете санитарной помощи; извозчик развернул лошадей к выезду из переулка. — Помогите погрузить, — велел Райли.

Кто-то еще соскочил из кареты на землю и раскрыл дверцы экипажа.

Ивэн с Шоттсом послушно выполнили приказ и как можно аккуратнее подняли холодное тело. Райли руководил их действиями, пока молодого человека не уложили на пол повозки и не укрыли одеялами; Ивэн получил назад свое пальто — запачканное кровью, грязное и сырое из-за мокрых бульжников.

Взглянув на него, Райли поджал губы.

— Вам лучше переодеться в сухое и выпить немного виски, а потом съесть тарелку горячей каши, — посоветовал он, качая головой. — Иначе только попусту подхвати-

те воспаление. Сомневаюсь, что мы сумеем спасти этого беднягу. — От жалости у него изменилось лицо; сейчас доктор выглядел изможденным и беззащитным. — Для другого я ничего сделать не в силах; теперь им займется гробовщик, ну и вы, конечно. Удачи. Она вам здесь понадобится. Бог знает, что тут произошло; хотя, наверное, уместнее сказать, дьявол. — С этими словами Райли пошел следом за своим пациентом. — За тем, другим, сейчас приедет катафалк, — добавил он как бы между прочим. — А этого я увожу в больницу Святого Фомы, можете справиться о нем там. Полагаю, вы понятия не имеете, кто он?

— Пока нет, — отозвался Ивэн, вполне понимая, что имени молодого человека они могут никогда не узнать.

Райли закрыл дверцу, стукнул в перегородку, и карета покатила прочь.

Ее место занял катафалк, и, когда второе тело увезли, Ивэн с Шоттсом остались в переулке вдвоем.

— Уже достаточно светло для осмотра, — решительно сказал сержант. — Полагаю, мы сумеем что-нибудь найти. Потом начнем поиски свидетелей. Что там с женщиной, поднявшей тревогу?

— Дейзи Мотт. Я знаю, где ее искать. Днем — на спичечной фабрике, а по ночам — вон в том здании, в шестнадцатом номере. — Шоттс показал левой рукой. — Не надейтесь, что она сможет много рассказать. Если б те, кто это сделал, были здесь, когда она появилась, они, без сомнения, и ее тоже убили бы.

— Да, полагаю, что так, — неохотно согласился Ивэн. — Если б она кричала, им пришлось бы ее утихомирить... Что насчет старины Бриггза, который привел вас?

— Ничего не знает. Я его уже расспрашивал.

Ивэн начал расширять круг поисков, уходя от места, где обнаружили тела; шел он очень медленно, цепляясь глазами за землю. Сержант не знал, что ищет, — все, что могло упасть, какую-то отметину, пятна крови... Должны же быть пятна крови!

— Дождя не было, — мрачно сказал Шоттс. — Эти двое дрались за свою жизнь, как тигры. Крови должно быть больше. Хотя не знаю, что это даст нам, если мы ее найдем! Разве что ранили кого-то еще; тогда я и сам смогу разобраться...

— Здесь кровь! — воскликнул Ивэн, заметив темное пятно на бульжнике у сточной канавы. Пятно пришлось потрогать пальцем, чтобы убедиться, что оно не коричневое, как экскременты, а красное. — И здесь. Должно быть, тут произошел, по крайней мере, один эпизод схватки.

— И я тоже нашел, — сообщил Шоттс. — Интересно, сколько их тут было?

— Больше двух, — спокойно ответил Ивэн. — Если б дрались на равных, здесь лежали бы четыре тела. Те, другие, все же смогли сами унести ноги... если, конечно, их не забрал кто-то еще. Но это вряд ли. Нет, думаю, мы разыскиваем не меньше двух-трех человек.

— Вооруженных? — Шоттс посмотрел на него.

— Не знаю. Доктор расскажет, отчего умер тот бедняга. Я не видел ни ран от ножа, ни следов от дубинки. И его совершенно точно не задушили.

При этих словах Ивэн содрогнулся. Сент-Джайлз особенно славился внезапными подлыми убийствами, когда жертву душили проволокой. Под подозрение мог попасть любой опустившийся бродяга. Был даже случай, когда двое типов заподозрили друг друга и дело едва не закончилось взаимным смертоубийством.

— Забавно. — Спасаясь от холода, Шоттс машинально пытался запахнуть поплотнее пальто. — В таких местах, как это, воры, когда идут грабить, обычно берут с собой заточку или проволоку. Драки они не ищут — им бы добычу схватить, побыстрее ноги унести да целыми остаться.

— Точно, — отозвался Ивэн. — Проволоку на горло или нож в бок. Тихо да верно. Никакой опасности. Берешь деньги и растворяешься в ночи. Так что же случилось на этот раз, Шоттс?

— Не знаю, сэр. Чем дольше смотрю, тем меньше понимаю. Здесь же нет никакого оружия. А если и было, они за-

брали его с собой. И даже более того, насколько я вижу, нет кровавого следа. Словно эти двое бедняг, которых увезли док и катафалк, сами изранили себя так, что смотреть страшно. Изранили до смерти или почти до смерти. Я к тому, что...

— Я знаю, что ты имеешь в виду, — опередил его Ивэн. — Это однобокий подход.

В дальнем конце переулка появился двухколесный экипаж; сразу за ним катил фургон, нагруженный старой мебелью. Где-то вдали послышался скорбный крик старьевщика. Нищий, кутаясь в старенькое тряпье, задержался у поворота в переулок, потом, подумав хорошенько, прошел мимо. За грязными окнами началось какое-то движение. Стали слышнее голоса. Залаяла собака.

— Сильно ж надо ненавидеть человека, чтобы забить его до смерти, — едва слышно произнес Ивэн. — Если только совсем умом не повредился.

— Они тут были чужаками. — Шоттс покачал головой. — Чистенькие... сытые, в приличной одежде. Оба приезжие, наверняка с запада. Или сельские.

— Горожане, — поправил Ивэн. — Городская обувь. И кожа как у горожан. У деревенских она не такая светлая.

— Тогда с запада. Что не местные, это уж точно. Кто из здешних мог знать их настолько, чтобы возненавидеть?

Ивэн сунул руки в карманы. Поток пешеходов в конце улицы стал гуще, мужчины шли на работу — в пакгаузы и на заводы, женщины — на потогонные фабрики. Появились и те, кто работал на себя, — уличные торговцы всех мастей, разносчики, мусорщики, продавцы информации, мелкие воры и посредники.

— Зачем человек сюда приходит? — задал себе вопрос Ивэн. — За тем, что нельзя купить в своей части города.

— Трущобы, — лаконично отозвался Шоттс. — Дешевые женщины, ростовщики, шулера, можно сбыть краденое, добыть подделку.

— Именно, — согласился сержант. — Нам нужно выяснить, с какой целью они пришли и к кому.